

УДК: 81'366.542

Куликова Е.В.

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

**СПЕЦИФИКА СЛОВСОЧЕТАНИЙ С РОДИТЕЛЬНЫМ
ПРИИМЕННЫМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НЕРЕШЕННЫЕ
АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)**

E. Kulikova

Moscow State University

**SPECIFICITY OF PHRASE WITH THE ADNOMINAL GENITIVE
IN RUSSIAN (UNRESOLVED ASPECTS OF THE PROBLEM)**

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме формирования словосочетаний с родительным приименным. В статье последовательно обосновывается новый взгляд на словосочетание как особую категорию функционально-коммуникативного синтаксиса с учетом традиционных концепций понимания данной единицы; поднимается проблема определения функций падежей, в частности родительного приименного, как особого падежа в русской падежной системе; ставятся задачи по описанию системы именных словосочетаний; доказывается необходимость привлечения сопоставительного материала для изучения словосочетаний с родительным приименным в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка.

Ключевые слова: словосочетание, родительный приименный, «широкое» и «узкое» понимание словосочетания, парадигма словосочетания, именные словосочетания, словоформа, функционально-коммуникативный подход.

Abstract. This article deals with the problem of forming phrases with adnominal genitive. The article consistently substantiated a new look at the phrases as a special category of functional communicative syntax in the light of traditional functions of the cases, adnominal genitive in particular as a special case in the Russian case system; set the tasks to describe the system of nominal phrases; proved the need to bring a comparative material for studying phrase with adnominal genitive case within the functional-communicative linguistic-didactic language model.

Key words: phrases, adnominal genitive, "wide" and "narrow" understanding of the phrase, a paradigm of the phrase, nominal phrases, word form, functional communicative approach.

В рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, специфика которой заключается в неразрывной связи теории и практики, выявлено, что словосочетания строятся из имен, обозначающих участников ситуации, и их набор задается ситуацией, описанной в предложении. Возникают эти словосочетания при продуцировании предложений для решения тех или иных коммуникативных задач, причем имена одних и тех же участников могут дать разные словосочетания, при необходимости ввести эту информацию в другое предложение. Так, например, предложение *Мальчик читает книгу* может дать следующие словосочетания, различные по своему составу: **читающий книгу мальчик, читаемая мальчиком книга, чтение книги мальчиком, читающий мальчик, читаемая книга, чтение мальчика, чтение книги.**

Практика показала, что в прикладных моделях языка рационально объединить некоторые положения как «широкого», так и «узкого» (в традиционной концепции) понимания словосочетания [4]. Это объединение касается, в первую очередь, вопроса о словопорядке компонентов словосочетания и факторов, влияющих на контактное/дистактное расположение

компонентов словосочетания вплоть до их постановки в отношении предикации, что связано напрямую с актуальным членением предложения. Такое объединение позволяет говорить:

1) о коммуникативной парадигме словосочетания, где единица, признаваемая словосочетанием в концепции его «узкого» понимания, является базовой, а все другие – членами такой парадигмы;

2) рассматривать возможности изменения словопорядка («слово» + «словоформа»¹) в словосочетании (как с сохранением, так и с изменением «словоформы») как свойство русских (и славянских) словосочетаний, нехарактерное для языков с грамматикализованным порядком членов предложения.

В прикладных моделях языка рационально также расширить понятие словосочетания как за счет включения в категорию словосочетания сочинительных структур [1], так и за счет введения в эту категорию дескрипций – сочетаний слов, формально совпадающих с традиционными словосочетаниями, но имеющими в качестве грамматически главного, так называемое строевое слово – знаменательное слово в служебной функции [14; 8] типа *вести работу, (девушка) высокого роста, (идти) быстрым шагом* и др. Именно дескрипции представляют собой «развертку» одного слова. Эти структуры не однородны, а строевые слова по своим функциям и потенциям формируют четыре класса: реляторы, экспликаторы, классификаторы и родовые слова [2; 4]. В данной статье дескрипции не рассматриваются.

Справедливым оказывается положение Т.А. Тулиной о том, что словосочетания не являются допредложенческой единицей, а формируются из имен участников ситуации, либо представленной в денотативной структуре данного предложения, либо введенной в данное предложение в полном или частичном виде из другого предложения [12].

Как показывает материал, именные словосочетания, построенные по формуле «слово»

¹ Любое подчинительное словосочетание будем обозначать формулой «слово» + «словоформа»

+ «словоформа», где «словом» является имя существительное, могут быть представлены в виде системы, в которой учитываются все релевантные характеристики именных словосочетаний. Эта система является фрагментом общей системы словосочетаний, и среди них большую группу составляют словосочетания с родительным приименным.

На сегодняшний день в научной литературе существует несколько подходов к определению категории падежа. С одной стороны, падежи классифицируются в таких морфологических терминах, как «приименные» и «приглагольные» [13; 15; 5]; с другой стороны, решающим при определении значения падежа считается его функция быть выразителем объекта, субъекта, определения или обстоятельства в предложении, то есть в основу кладется синтаксическая роль падежей [9]. Когда же падежи классифицируются как «локативные», «инструментальные» и т. д., то это уже, скорее, «чистая» языковая семантика, а не морфология и не синтаксис.

Не обсуждая проблему специфики падежей, отметим лишь тот факт, что все лингвисты, занимающиеся этой проблемой, отмечают специфику родительного приименного. По мнению Г.П. Мельникова [11], функция падежей может быть сформулирована в терминах их «коммуникативного амплуа»: специализация форм слов к выражению темы или ремы в рамках сообщения. Таким образом, он выделяет две основные функции русских падежей: «темные» и «ремные», а так как и в теме, и в реме могут быть свои распространители, то среди темных функций он выделяет «собственно темные» (именительный падеж) и «притемные» (родительный падеж), а среди ремных – «собственно ремные» (винительный падеж) и «приремные» (все другие косвенные падежи). Однако такой подход не учитывает всех свойств и функций родительного приименного.

В русской падежной системе имен существительных именно родительный является одним из наиболее активных падежей, и если смысл всех других падежей нам более или менее понятен, то в родительном приименном

мы сталкиваемся с огромным разнообразием смыслов и значений, выраженных в одной форме родительного приименного. Последний выступает здесь как связанная синтаксема, то есть в присловной позиции. Вопрос поведения родительного падежа и употребления словосочетаний с родительным приименным актуален и далеко не прост в нашей практике. Как показал С.А. Лутин [10], родительный падеж отличается от всех других падежей в русском языке в первую очередь своей функцией: это не столько носитель некоторой достаточно абстрактной для современного языка, но все-таки имеющей место быть инвариантной смысловой функции, что присуще другим падежам, сколько показатель грамматической зависимости «словоформы».

В современном русском языке количество словосочетаний с родительным приименным огромно, и их число постоянно увеличивается. Как уже было сказано выше, они образуют разные по смыслу сочетания денотативных ролей. Нужно отметить, что не все из выделенных групп имеют аналогичные корреляты в других языках. Одно из таких несовпадений – сочетания с родительным локатива в русском, с одной стороны, и в английском, болгарском языках, с другой, например: *студент университета*, в английском языке имеет вид: *a student at the University* [студент в университете], то же и в болгарском, калька – *ученица в пятом классе*, ср. в русском языке *ученица пятого класса*.

Еще одним таким несовпадением при сопоставлении с другими языками являются словосочетания с родительными приименными, характеризующие субъект по месту его обитания/проживания, в русском и китайском языке. В русском языке можно сказать *звери и птицы Африки*, но невозможны словосочетания * *крокодилы Африки, зебры Африки, синица моего сада*: ср.: *африканские крокодилы, африканские зебры, синица в моем саду*. В китайском же возможны обе структуры, которые оформляются с помощью послелога «*de*» – формального показателя функции присубстантивного определения: *Африка_ de*

звери и птицы; Африка_ de крокодилы, я_ de сад_ de синица.

Для определения субъекта по месту его пребывания в русском языке используется как беспредложный родительный, так и конструкции с предлогом *из*, что зависит от внелингвистических факторов, ср., например, в таких словосочетаниях как *студенты Китая* и *студенты из Китая* в предложениях *Студенты Китая объявили забастовку; В университете прошла встреча со студентами из Китая*. В обоих случаях в китайском языке такие словосочетания будут иметь вид: *Китай_ de студенты*.

В русском языке также по-разному выражается смысл части целого и местонахождения объекта в небольшом пространстве, ср., например, *чулан дома, комнаты квартиры, отделы магазина*, однако для определения конкретных предметов в этих местах в русском языке уже будет использоваться предложный падеж *пшеница в этом чулане (прошлого дня), мебель в этой комнате (старая), продукты в этих отделах (разложены в соответствии с наименованиями)*. В китайском же языке в обоих случаях употребляется одна конструкция с *de*: *дом_ de чулан, квартира_ de комнаты, магазин_ de отделы* и *чулан_ de пшеница, комната_ de мебель, отдел_ de продукты*. Таким образом, можно говорить о том, что данные словосочетания отражают различия в языковых картинах мира русского и китайского языков.

Довольно часто в русском языке в словосочетаниях с родительным приименным для обозначения субъекта и места его пребывания «слово» в словосочетании заключает в себе бытийный предикат. Так, например, в словосочетании *жильцы дома № 5, жители Москвы, постояльцы соседнего двора*, общее значение которых можно определить простым предложением «люди, которые живут в доме № 5/ в Москве / в соседнем дворе», то есть для выражения субъекта используется имя бытийного предиката «жить, быть на постое». Интересно, что в данном случае в китайском языке обязательно нужно уточнить, что именно делает человек в этом месте: ра-

ботает, снимает жилье или купил это жилье, потому что глагол «жить» в китайском обозначает сам факт биологического существования «жить» в смысле «не умереть». И выше указанные словосочетания будут иметь вид: *Москва_ de человек (москвич), люди снимают/купили квартиры в доме № 5, люди снимают соседний двор.*

Подобную ситуацию можем наблюдать и при выражении отношения автора к своему произведению в русском и английском языке. По-английски, например, нельзя сказать автор «Евгения Онегина», автор «Гамлета», а только автор, который написал «Евгения Онегина», автор, который написал «Гамлета». Поэтому невозможны в английском и «Евгений Онегин» Пушкина, «Гамлет» Шекспира, но «Евгений Онегин», который был написан Пушкиным, «Гамлет», который был написан Шекспиром.

Таким образом, как показывает сопоставительный материал, выбор «слова» и «словоформы» в разных языках может быть различным. Например, нашим словосочетаниям *стакан воды, тарелка супа, мешок муки* в китайском, корейском, японском и турецком языках будут соответствовать словосочетания – *калька – стакана вода, тарелки суп, мешка мука.*

Наблюдается также несовпадение при выражении субъектно-объектных отношений в предложениях акционального типа и образованных от них словосочетаний при сопоставлении с другими языками. Типовое значение акциональных предложений: «субъект и его акциональный признак (или его действие)».

Предложения с предикатами данного типа достаточно разнообразны. В данной статье рассмотрим предложения с прямым дополнением типа *Мальчик решает задачу; Мама убирает квартиру; Парикмахер стрижет волосы.* Словосочетания данной группы формируются именами, называющими следующие денотативные роли: агент (Аг), предикат (Пр), объект (Об). В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ словосочетаний с родительным приименным без

предлога, образованных на основе предложений акционального типа по модели «субъект – предикат – прямой объект» с соотносительными предложениями и словосочетаниями в китайском и японском языках. Получены следующие результаты.

На основании предложений акционального типа, рассматриваемых в исследовании, в русском языке регулярно образуются следующие словосочетания: 1) *Мальчик решает задачу: решение мальчика; решение задачи;* 2) *Мама убирает квартиру: уборка мамы; уборка квартиры;* 3) *Парикмахер стрижет волосы: стрижка парикмахера; стрижка волос.* Сопоставительный анализ с китайским и японским языками дал следующие результаты.

В китайском языке словосочетания с родительным приименным субъекта *решение мальчика, уборка мамы, стрижка парикмахера* выражаются с помощью показателя «**de**», который присоединяется к имени субъекта действия, и далее следует имя действия, выполняемого этим субъектом, которое в этой позиции классифицируется как существительное. Порядок слов в данном случае также облигатен: «субъект действия + de + глагол»: *мальчик_ de решать; мама_ de убирать; парикмахер_ de стричь.*

Словосочетания с родительным приименным объекта: *решение задачи, уборка квартиры, стрижка волос* – выражаются только с помощью глагола и существительного без каких-либо показателей, и в предложении они обязательно должны следовать друг за другом. Например, предложение: *Решение задачи отняло у меня 2 часа* – в китайском языке будет иметь следующий вид: **Решать задача отнять мой 2 час.* Остальные словосочетания будут также строиться по модели: «глагол + существительное» и находиться в контактной позиции при реализации в полипропозитивных предложениях. Приведем кальку этих словосочетаний в китайском языке: *решать задача; убирать квартира; стричь волосы.*

В японском языке словосочетания с родительным приименным субъекта *решение мальчика, уборка мамы, стрижка парикмахера*

ра выражаются с помощью показателя функции определения «но» (коррелята китайского «*de*»), который присоединяется к имени субъекта действия: *мальчик_но*, *мама_но*, *стрижка_но* и далее следует имя действия, выполняемого этим субъектом, которое, однако, в данной ситуации имеет предметное значение и не соотносится с глаголом, а является самостоятельной именной лексемой с предметным значением, соответственно *решение* – *кайто*, *уборка* – *соуджи*, *стрижка* – *санпац*, а сами словосочетания будут иметь вид: *решение мальчика* – *мальчик_но кайто* (*решение*); *уборка мамы* – *мама_но соуджи* (*уборка*); *стрижка парикмахера* – *парикмахер_но санпац* (*стрижка*).

Порядок слов здесь облигатoren. Имя субъекта действия всегда на первом месте.

Словосочетаниям с родительным приименным объекта *решение задачи*, *уборка квартиры*, *стрижка волос* могли бы соответствовать несуществующие в русском языке словосочетаниям с винительным приименным, так как отглагольные существительные в японском языке, управляющие объектом, так же как и *глагол*, от которого они образованы, требуют винительного падежа зависимого существительного. Данные словосочетания в японском языке будут иметь следующий вид (калька): *Задача_о решать_кото*; *квартира_о убирать_кото*; *волосы_о стричь_кото*.

Порядок слов в словосочетании в данном случае также грамматикализован: имя объекта действия всегда находится на первом месте.

Показанные выше отличия в структуре субъектных и объектных словосочетаний будут также отражаться и в контекстах реализации компонентов этих словосочетаний. Например, предложение *Я делаю стрижку по-японски* (а это, заметим, именно дескрипция – описательный предикат [2; 3; 4]): *Я санпац_о делаю*; где *о* – маркер прямого объекта, изофункциональный винительному падежу, ср. с невозможным в японском: **Я стричь_кото делаю*.

Таким образом, материал подтверждает концепцию С.А. Лутина о том, что роди-

тельный приименной является показателем формальных отношений и необходимо детальное и конкретное изучение данной структуры. Это явление многофакторное и требует своего решения в прикладных аспектах лингвистики. Необходимо подробное рассмотрение данного типа словосочетаний с целью выявления возможных типов трансформаций, особенностей их реализации в более сложных предложениях и учета родного языка учащихся при презентации исследуемого материала в иностранной аудитории, обучении синхронному переводу, в практике создания программ машинного перевода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык. – М., 1981. – С. 546.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М., 2000. – С. 504.
3. Всеволодова М.В. Кузьменкова В.А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Серия 9 Филология. – 2003. – № 1. – С. 89-97.
4. Всеволодова М.В., Куликова Е.В. Грамматика словосочетаний в контексте функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Вестник Московского университета. Серия 9. – М., 2009. – С. 67-88.
5. Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. – М., 1973. – С. 48-54.
6. Золотова Г.А. Очерки функционального синтаксиса. – М., 1973. – С. 370.
7. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977. – С. 412.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М., 1971. – С. 298.
9. Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение (1948) // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 312.
10. Лутина С.А. Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. – М.: РУДН, 2007. – С. 120.
11. Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей // Сб. Исследования в области грамматики и типологии. – М., 1980. – С. 39-64.
12. Тулина Т.А. Функциональная типология слово-

- сочетаний. – Киев. – Одесса, 1976. – С. 212.
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Вып. 1. Учение о предложении и словосочетаниях. – 1925. – С. 300.
14. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 77-100.
15. Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. – In.: Travaux du Cercle Linguistique de Prague. VI. – Praha, 1936. – P. 280.

УДК 811.161.1

Лопухина А.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

К ИСТОРИИ ФОНЕМЫ <ѐ> В ОДНОМ ИЗ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ XVII ВЕКА

A. Lopukhina

Moscow State University

TO THE HISTORY OF THE PHONEME <Ě> IN ONE OF THE ARKHANGELSK DIALECTS OF THE 17th CENTURY

Аннотация. В статье реконструируется качество фонемы <ѐ> в шенкурском диалекте XVII века. Для определения звука на месте *ѣ приводятся материалы памятников деловой письменности, которые сравниваются с данными диалектных записей XX века. Для определения времени начала утраты фонемы <ѐ>, полученные результаты сопоставляются с материалами тех же рукописей, касающихся фонемы <ф>. В результате делается вывод, что <ѐ> как особая фонема была свойственна изучаемому говору в XVII веке, а утрачиваться начала позднее.

Ключевые слова: историческая фонетика русского языка, диалектология, архангельские говоры, памятники деловой письменности, фонема <ѐ>.

Abstract. The article reconstructs the quality of phoneme <Ě> in Shenkursk dialect of the 17th century. To determine the sound in place of ancient *ě materials from the business manuscripts are presented and compared with dialect recordings of the 20th century. Then, to determine the start time of disappearing of phoneme <Ě>, the results are compared with the material on phoneme <φ>, obtained from the same manuscripts. It turns out that <Ě> was a separate phoneme in Shenkursk dialect of the 17th century and that it started to disappear later.

Key words: historical phonetics, Russian language, dialectology, Arkhangelsk dialects, business manuscripts, phoneme <Ě>.

Реконструкция качества *ѣ по материалам памятников деловой письменности представляет значительные трудности. Интерпретация написаний с буквами ѣ, е, и на месте *ѣ осложняется стремлением писцов соответствовать определенной орфографической норме [4, с. 71]. Вопрос о времени окончательной утраты фонемы <ѐ> в говорах новгородского типа остается одной из нерешенных проблем исторической фонетики русского языка. Почти все исследователи единодушны в том, что в XVII в. в безударных слогах особого звука на месте фонемы <ѐ> уже не было, однако в отношении ударного положения мнения историков языка расходятся [4, с. 68].

Ниже мы попробуем определить, что произносилось в соответствии с этимологическим *ѣ под ударением в шенкурском говоре конца XVI–XVII вв. Материалом исследования послужи-